

Рогов М.И., экономический факультет,
Санкт-Петербургский Государственный Университет
mikhail.i.rogov@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ: АНАЛИЗ КЕЙСА С РОССИЕЙ В 2014 ГОДУ

Аннотация

Тема международных экономических санкций является особо актуальной в отечественной научной литературе с момента введения санкций рядом государств в отношении России в 2014 году. Если до тех пор анализ санкций в России относился преимущественно к юридическим наукам, то с 2014 года стали появляться и экономические исследования на данную тематику, касающиеся исключительно оценки текущей ситуации с Россией. Вследствие относительной новизны темы в отечественной экономической дискуссии, цель данной статьи – прояснить категориальный аппарат изучаемого явления, а также проанализировать мотивы и последствия контрсанкций России в сфере АПК.

Ключевые слова: санкции, контрмеры, экономические дискриминационные меры, импорт замещение, протекционизм.

ReREc: M38

УДК 338.22.01, 341.018

Rogov Mikhail I., faculty of Economics,
Saint Petersburg State University
mikhail.i.rogov@gmail.com

INTERNATIONAL ECONOMIC SANCTIONS: ANALYSES OF THE CASE WITH RUSSIA IN 2014

Abstract

The topic of international economic sanctions is particularly relevant in the domestic scientific literature since the implementation of sanctions by a number of states toward Russia in 2014. If until then, the analysis of sanctions in Russia belonged mainly to the legal sciences, in 2014 economic studies on this subject began to emerge, relating exceptionally to the estimation of the current situation with Russia. Due to the relative novelty of the topic in the national economic discussion, the goal of this article is to clarify the frameworks of categories of the subject of study and to analyze the motives and consequences of Russia's counter-sanctions in the area of agricultural sector and food industry.

Keywords: sanctions, countermeasures, economic discriminatory measures, import substitution, protectionism of home industries.

ReREc: M38

УДК 338.22.01, 341.018

УДК 338.22.01, 341.018

Рогов М.И., экономический факультет,
Санкт-Петербургский Государственный Университет
mikhail.i.rogov@gmail.com

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ:
АНАЛИЗ КЕЙСА С РОССИЕЙ В 2014 ГОДУ**

*Rogov Mikhail I., faculty of Economics,
Saint Petersburg State University
mikhail.i.rogov@gmail.com*

**INTERNATIONAL ECONOMIC SANCTIONS:
ANALYSES OF THE CASE WITH RUSSIA IN 2014**

Международные экономические санкции в различных формах издавна являлись инструментом принуждения, выступая альтернативой военному вторжению. Именно бескровность делала данный метод давления привлекательным, что подтверждает история: впервые экономические санкции были применены еще в 432 году до н.э. Афинским морским союзом, который запретил купцам из Мегеры посещать свои порты и рынки. С течением времени форма и структура санкций изменялись, в настоящее время можно говорить об институционализации данного инструмента.

В XX веке в международные экономические санкции стали элементом международного права: появились наднациональные организации, имеющие право вводить санкции от имени нескольких государств (например, ООН), таким образом, защищая принципы международного права. Стороны толковали эти принципы по-своему, что привело к политизации санкций (достаточно вспомнить два противоречащих принципа, зафиксированных

Уставом ООН о территориальной целостности государств и принципом самоопределения наций). Всего в XX веке санкции применялись 174 раза [20], что свидетельствует о том, что они становятся основным элементом политического, экономического и социального давления на страну, нарушителя международных норм или проводящую политику, противоречащую интересам великих держав.

Данная тема стала особенно актуальной для России после введения дискриминационных экономических мер в отношении нее в 2014 году. Кроме Российской Федерации за последнее время международные санкции вводились против Северной Кореи, Кубы, Ирана, ЮАР, Ливии и некоторых других стран, однако комплексного теоретического анализа экономических последствий санкций в российском научном сообществе не проводилось. Настоящее исследование призвано в определенной степени восполнить данный пробел, оно состоит из двух взаимосвязанных частей: в первой уточняется категориальный аппарат, во второй рассматривается кейс применения международных торговых ограничений в 2014 году на основе анализа значимых экономических показателей.

Теоретические замечания

Понятие «санкции», как и более узкое понятие «международные экономические санкции», является заимствованным из области права, тем не менее, даже юристы до сих пор не пришли к единому мнению о природе санкций, поэтому общепризнанное определение международных санкций отсутствует. Также оно отсутствует в Уставе ООН, вследствие чего существует множество различных трактовок данного инструмента. В частности, спорным является вопрос о субъекте международных санкций – кто их может вводить: государство или международная организация? Например, член Комиссии международного права ООН в 1994-2001 гг. И.И. Лукашку отмечает, что «ныне, как констатировала Комиссия международного права ООН, термин «санкции» используется для

обозначения принудительных мер, принимаемых международными организациями, особенно на основании главы VII Устава ООН» [8, с. 41]. Таким образом, данная позиция является официальной точкой зрения ООН: международные санкции ограничиваются принудительными мерами, принимаемыми международными организациями, представляющими международное сообщество и имеющими полномочия на применение данных мер – в первую очередь, такой организацией является сама ООН. Сторонники такого подхода утверждают, что «односторонние меры принуждения не обладают легитимностью и необоснованно именуется санкциями – принцип суверенного равенства государств исключает возможность правомерного применения одним государством санкций в отношении другого государства или группы государств в одностороннем порядке (*par in pare non habet imperium*)» [7, с. 113] и поэтому, к таким индивидуальным действиям применяется термин «контрмеры».

В настоящее время именно такое понимание санкций как принудительных мер, применяемых международной организацией к государству-правонарушителю, находит все более широкое признание [2, с. 122; 6, с. 34; 8; 18, с. 250-262; 19, с. 32], поэтому в настоящем исследовании будет использована данная терминология. Таким образом, принципиальное отличие контрмер от международно-правовых санкций заключается в том, что контрмеры представляют собой элемент децентрализованного механизма принуждения государства-правонарушителя и рассматриваются как инструмент имплементации ответственности, не носящий карательного характера. Немецкий профессор В. Вотум отмечает «Контрмеры характеризуют ситуацию, когда субъект международного права реагирует на предшествующее нарушение его прав и самостоятельно принимает меры в целях их защиты и реализации. Указанное понятие является более узким, чем понятие санкции...» [3, с.750]. Иначе говоря, одной из целей контрмер является самостоятельная защита своих нарушенных прав, в то время как

основной целью санкций – поддержание правопорядка на глобальном уровне. Отсюда следует, что контрмеры несут горизонтальный характер, то есть межгосударственный (отношения равных субъектов), в то время как санкции имеют вертикальный характер, подразумевая наличие определенной надгосударственной структуры, чью легитимность признают все государства – в настоящий момент такой организацией является ООН.

Так или иначе международные экономические санкции являются дискриминационными мерами по отношению к конкретному государству или группе государств, и с точки зрения экономиста субъект, вводящий санкции или контрмеры, имеет принципиальную разницу. В санкциях ООН нет никакой экономической подоплеки, они вводятся исключительно на основе консенсуса членов Совета Безопасности ООН в ответ на международное правонарушение, совершенное конкретным государством. Контрмеры – напротив, понятие, в основе которого лежит частный экономический интерес государства, их вводящего – в общих чертах, их целью является нанесение наибольшего вреда экономике, в отношении которой они вводятся, и получение наибольшего выигрыша для экономики страны, их вводящей. Несмотря на то, что данные явления имеют принципиально разную природу (санкции – строго юридическое понятие, контрмеры – экономическое понятие), они выражаются в одинаковой форме – торговые ограничения (эмбарго, бойкот, экономическая блокада), финансовые ограничения (например, запрет на заимствования за границей) и заморозка активов. Заметим, что данная классификация относится только к экономическим санкциям и контрмерам; кроме экономических существуют также культурные, научные, спортивные, дипломатические и некоторые другие виды дискриминационных мер, которые не несут непосредственного экономического ущерба.

Необходимо подчеркнуть, что до создания международной системы права во главе с ООН (и до создания Лиги Наций как предшественницы

ООН), любые международные дискриминационные меры основывались исключительно на личном интересе государства, вводящего их – ярким примером является Континентальная блокада Великобритании Наполеоном Бонапартом, целью которой было устранение конкурентов с внутреннего рынка и подъем французской промышленности.

Поскольку санкции и контрмеры как специфический вид внешнего воздействия на страну в последнее время стали использоваться в качестве альтернативы военным действиям все чаще, в иностранной литературе сложились определенные подходы к анализу эффективности данных инструментов. Существует три основных подхода: эконометрический анализ панельных данных [20; 22], теоретико-игровое моделирование (как правило, в случае триадических санкций⁸) [23], а также методология кейс-стадии [21]. В рамках данных подходов как правило выделяются непосредственно экономические и политические последствия внешних дискриминационных мер. Рассматривая конкретные случаи использования контрмер и санкций, возможно использовать и более специфические методы анализа – например, при анализе влияния санкций, введенных в 2014 году в отношении России, отечественные авторы используют моделирование динамики отдельных компонент притока капитала [5], метод выделения и оценки рисков [10] и некоторые другие (например, [16]). В данных видах анализа, как правило, исследуются исключительно макроэкономические последствия.

Анализ кейса с Россией в 2014 году

В 2014 году США, ЕС и еще ряд стран ввели в отношении России дискриминационные экономические меры: весной 2014 года были введены персональные ограничения – то есть в отношении конкретных людей, а летом того же года были введены экономические и финансовые контрмеры в отношении конкретных юридических лиц или целой отрасли. В частности, в

⁸ Триадические санкции – вид дискриминационных экономических мер, подразумевающий санкционирование третьей стороны в случае, если она продолжает сотрудничество со страной, находящейся под санкциями.

июле 2014 года так называемый «секторальный пакет» контрмер предусматривал значительные ограничения в финансовом секторе (российским компаниям запретили прямое или не прямое приобретение, продажу, обеспечение инвестиционных услуг или помощь в эмиссии или другие сделки с обращающимися ценными бумагами и инструментами денежного рынка, имеющим срок погашения более 30 дней, выпущенных после 12 сентября 2014 года [11, с. 50]), запрет на экспорт товаров двойного назначения, военных технологий и оборудования для добычи нефти в Арктике, на глубоководном шельфе и сланцевой нефти, а также ограничения возможности экспорта отдельных видов энергетического оборудования в Россию. В ответ на данные недружественные действия руководство России ввело ответные дискриминационные меры – так называемые «контрсанкции», которые выражались в прекращении импорта определённых товаров пищевой промышленности и АПК из стран, поддержавших контрмеры в отношении России. Таким образом, Россия является как объектом, так и субъектом дискриминационных экономических мер.

Следуя суждению о том, что цель контрмер – наибольшие потери для страны-объекта и наибольший выигрыш для страны-инициатора, целесообразно предположить, что от иностранных контрмер российская экономика сужается, а от отечественных – наоборот, растёт. Проиллюстрируем данный тезис.

Все отечественные исследования, посвященные анализу последствий контрмер в отношении России, можно условно разделить на количественные (например, [5; 12; 17]), анализирующие показатели системы национальных счетов и другие макроэкономические статистические показатели, качественные (например, [10]), рассматривающие изменение экономической конъюнктуры с точки зрения появления рисков и исследования, оценивающие влияние санкций на микроуровне (например, [16]). Используя принципиально различную методологию все данные исследования

оценивают эффект иностранных контрмер в диапазоне 0,4-2% ВВП в среднегодовом исчислении, однако прогнозные значения разнятся: согласно количественным оценкам негативное влияние будет снижаться, а согласно качественной оценке – наоборот, будет нарастать, в первую очередь, за счет раскручивания технологических рисков.

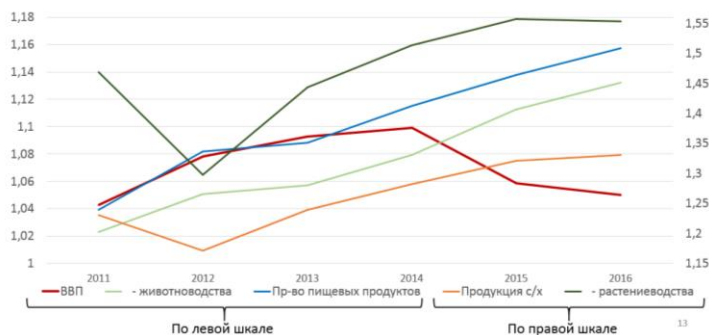
Говоря об отечественных контрмерах, выраженных в форме бойкота определенной продукции пищевой промышленности и АПК конкретных стран, необходимо обратить внимание на следующие моменты: 1) так как данная мера была сознательно введена руководством России, она в полной мере является протекционистской; 2) политика импорт замещения в АПК и пищевой промышленности в отдельных под отраслях проводилась еще до объявления бойкота западным странам⁹, вследствие чего российские контр санкции приобрели характер катализатора, а не первопричины, что позволило называть происходящий после их введения процесс форсированным импорт замещением.¹⁰ В данной работе предлагается дать оценку отечественным контрмерам, рассмотрев три вопроса: 1) сопоставление ВВП и индекса промышленного производства в АПК и пищевой промышленности; 2) изменение в структуре импорта продовольствия; 3) импорт замещение в АПК и пищевой промышленности в регионах (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области).

Рис. 1 иллюстрирует, что с 2012 года как сельское хозяйство в целом, так и его компоненты (животноводство и растениеводство) стали расти; кроме этого наблюдался рост и в производстве товаров пищевой промышленности. В 2014 году происходит изменение экономической конъюнктуры, которое дает разнонаправленный эффект на исследуемые показатели: ВВП снижается, а индекс промышленного производства АПК и пищевой промышленности продолжает расти, не теряя при этом темпов

⁹ На процесс интенсивного импортозамещения в АПК до введения санкций особое внимание обращено в статье [15 с. 253].

¹⁰ Смотри подробнее [14].

роста. Отсюда можно сделать вывод, что отечественный бойкот иностранных товаров в данных отраслях оказал стимулирующее воздействие на процессы внутреннего производства и импортозамещения.



Источник: Росстат. Значения за 2016 год являются прогнозными и составлены на основе Национального доклада о ходе и результатах реализации в 2015 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы. Режим доступа: http://www.mcx.ru/documents/document/v7_show/34699.htm

Рисунок 1 - Индекс роста ВВП и ряда отраслей для России в 2011-2016 гг.

При объяснении замедления темпов роста ВВП с 2012 по 2014 гг. выделяют несколько причин, в частности, снижение факторной производительности и попадание в «ловушку среднего дохода», институциональные ограничения, структурные проблемы. Кроме этого, рассматривая снижающийся коэффициент монетизации, отмечают, что «текущий рост российской экономики ограничивают не системные проблемы, а тактические решения, связанные с ограничением инфляции за счет денежного сжатия» [9, с. 66]. Данные проблемы в известной степени нивелировались за счет благоприятной для России внешнеэкономической конъюнктуры – как только этот фактор изменился в противоположную сторону отечественная экономика вступила в рецессию. При более детальном рассмотрении можно обосновать, что текущая экономическая ситуация характеризуется тем же набором проблем, что и в 2012 году.

Спецификой импорт замещения в АПК является тот факт, что в отличие от других сфер, в АПК нельзя заменить все – по крайней мере на практике в российских условиях. В связи с этим, ряд ученых [1; 4; 13] предлагают

разделить продукцию АПК на группы товаров с разной долей возможности импорт замещения.

В общем виде классификация сводится к выделению следующих товарных групп: 1) благополучная (с точки зрения объемов продуктов, потребность в которых покрывается за счет средств собственного производства). К данной группе относится зерно, сахар, растительное масло, яйца – то есть те товары, где сложилась устойчивая база для самого обеспечения в параметрах, установленных Доктриной продовольственной безопасности РФ. 2) Мясо птицы, свиней, овощи открытого грунта – те товары, по которым отечественное производство в ближайшее время (среднесрочная перспектива) полностью обеспечит достижение пороговых значений, установленных Доктриной. 3) Продукция, по которой возможно импорт замещение в отдаленной перспективе – к ней относится мясо крупного рогатого скота, молоко и молочная продукция, овощи защищенного грунта. 4) Отдельные виды продовольствия, не производимые в нашей стране в силу географического расположения – тропические фрукты, кофе, какао и т.д. Становится очевидным, что в некоторых под отраслях АПК импорт замещение невозможно и имеет смысл говорить лишь о диверсификации импортных поставок как факторе продовольственной безопасности.

Поскольку российские контрсанкции были введены неожиданно для большинства участников рынка, представляется любопытным проследить изменения в географии поставок пищевой промышленности и АПК в Россию. Рассмотрим данные о реструктуризации импорта в период со 2 квартала 2014 до 2 квартала 2015 года – то есть непосредственно перед введением бойкота и почти через год после. В таблице 1 представлены относительные данные по импорту основных товаров, в частности: динамика изменения доли ключевых стран в импорте, изменение абсолютных значений поставок и динамика импорта товара в Россию вообще.

Таблица 1 - Изменение в структуре импорта продовольствия в Россию за период 2 кв.2014 - 2 кв. 2015

	Наименование продукции	Ключевые страны-импортеры	Доля в импорте II кв. 2014 г.	Доля в импорте во II кв. 2015 г.	Изменение абсолютного объема импорта за период (в % или тоннах - Т)	Изменение импорта в РФ во II кв. 2015 к II кв. 2014 г.
1	Свежая и охлажденная говядина (код ТН ВЭД 0201)	Бразилия	5,90%	2,30%	-35%	-11%
		Беларусь	71%	85,80%	↑7,5%	
		Украина	5,30%	10,60%	↑78%	
2	Мясо крупного рогатого скота, замороженное (код ТН ВЭД 0202)	Бразилия	50,80%	53,60%	-34%	-23,5%
		Парагвай	26,50%	27,70%	-20%	
		Беларусь	4,70%	7,70%	↑25%	
3	Свинина свежая, охлажденная или замороженная (код ТН ВЭД 0203)	Бразилия	39%	68%	↑32%	-24%
		Чили	3,80%	7,40%	↑47%	
		Украина	0,00%	15%	10115 Т	
4	Мясо и пищевые субпродукты домашней птицы, свежие, охлажденные или мороженые (код ТН ВЭД 0207)	Бразилия	9,20%	27,70%	↑20,7%	-59,9%
		Турция	0,10%	9,90%	↑2000% (+5000 Т)	
		Беларусь	16,20%	57%	↑40,6%	
5	Рыба свежая или охлажденная (код ТН ВЭД 0302)	Турция	7,90%	27,30%	↑1,3%	-70,6%
		Фарерские острова	1,80%	62,60%	↑1015% (+4818 Т)	
		Казахстан	0,17%	4,80%	↑818% (+359 Т)	
5	Молоко и сливки, сгущенные или с добавлением сахара (код ТН ВЭД 0402)	Беларусь	82,50%	98,30%	29,10%	↑8,4%
7	Сыры и творог (код ТН ВЭД 0406)	Страны дальнего зарубежья	65,50%	16,50%	-87%	-46%
		Армения	0,32%	2,60%	↑439% (+950 Т)	
		Беларусь	28%	79,70%	↑49%	
8	Картофель свежий или охлажденный (код ТН ВЭД 0701)	Бангладеш	4,50%	3%	-52%	-21,5%
		Израиль	11,70%	7,30%	-48%	
		Индия	2,33%	0,78%	-74%	
		Пакистан	0,40%	10,60%	↑2000% (+38557 Т)	
		Азербайджан	9,90%	9,30%	-17%	
	Цитрусовые плоды, свежие или сушеные (код ТН ВЭД 0805)	Марокко	7%	9,40%	↑15%	-13,5%
		Египет	30%	34,60%	-2%	
		Аргентина	10,50%	11%	-10%	
		Беларусь	1,60%	7%	↑377% (+11073 Т)	
	Яблоки, груши и айва свежие (код ТН ВЭД 0808)	Бразилия	0,01%	3,50%	↑21670% (+10782 Т)	-36,5%
		Македония	0,00%	2,20%	↑34810% (+6942 Т)	
		Сербия	1,20%	5,10%	↑266% (+9909 Т)	
		Чили	3,10%	7,50%	↑49%	
		Беларусь	14,70%	44,20%	↑90%	

Таблица составлена на основе данных ФТС: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:3603322823590532::NO>

Импорт представленных товаров за рассматриваемых период уменьшился по всем показателям, за исключением молока и сливок – в данной товарной группе наблюдается рост зарубежных поставок на 8,4%, и Белоруссия наращивает импорт и становится практически монополистом по поставкам молока в Россию: 98,3% всего импорта. В целом таблица иллюстрирует, что вместе с падением импорта снизилась его диверсификация: так, например, импорт свежей и охлажденной говядины из двух стран – Украина и Белоруссия – в сумме составляет 96%, причем на Белоруссию отсюда приходится 85,5%, а до объявления бойкота доля этих стран в сумме составляла 76,3%; импорт свежей, охлажденной или замороженной свинины в 2015 году вместе из Бразилии и Украины составляет 83%, из которых на Бразилию приходится 68% (годом ранее лишь 39%), а на Украину 15% (годом ранее данный товар из Украины вообще не поставлялся); по мясу птицы суммарный экспорт из Бразилии и Беларуси в 2014 году составлял лишь 25,4%, а в 2015г. уже 84,7% (абсолютные величины выросли на 20,7% и 40,6% соответственно); свежая и охлажденная рыба в 2015 году при общем сокращении импорта на 70,6% на 90% поступает с Фарерских островов и Турции (годом ранее их суммарная доля была лишь 9,7% в общем импорте данного товара); поставки сыров и творога в Россию сократились в 2015 году на 46%: импорт из стран дальнего зарубежья сократился на 87% и составлял в 2015 году лишь 16,5% рынка, а импорт из Беларуси вырос на 49% и занял 79,7% рынка (в 2014 году доля белорусских товаров данной категории составляла лишь 28%); значительно изменились страны происхождения яблок, груш и айвы – в 2015 Беларусь увеличила свои поставки данной продукции на 90% и заняла 44,2% рынка (в 2014 году лишь 14,7%), на 50% выросли поставки из Чили и составили 7,5% рынка (в 2014 году 3,1%), вышла на российский рынок Македония (2,2% рынка в 2015 году) и Бразилия (3,5% рынка в 2015 году), значительно увеличила поставки Сербия (5,1% рынка в 2015 против 1,2% в 2014 г.), хотя в целом импорт

данной товарной группы упал на 36,5%. Доли стран сильно не изменились (среди рассматриваемых товаров) в поставках замороженного мяса крупного рогатого скота и цитрусовых, что, возможно, связано с низкой долей поставок из стран, попавших под российские контрсанкции. Необходимо заметить, что в 2015 году так же, как и в 2014 г. рынок картофеля является достаточно диверсифицированным (хотя доли стран в импорте изменились).

Таким образом, вследствие российских контр санкций, состоящих в бойкоте продукции АПК и пищевой промышленности ряда стран, произошло не только увеличение доли (необходимо помнить, что рост относительной доли не всегда происходит с ростом количества поставок товаров в абсолютных величинах – например, доля Бразилии в импорте замороженной говядины в 2015 году увеличилась на 3%, однако количество непосредственно товара, поставляемого в Россию, уменьшилось на 34%) стран, уже присутствующих на российском рынке, но и появление поставок из новых стран, до этого не продающих России определенную продукцию (например, свинина из Украины, рыба из Казахстана, картофель из Пакистана, яблоки из Бразилии и Македонии и т.д.). Тем не менее, большинство из рассмотренных товарных групп являются критически зависимыми от одного (например, молоко из Беларуси) или двух-трех (например, свежая говядина из Украины и Беларуси), что не может не вызывать беспокойство в контексте размышлений о продовольственной безопасности. Кроме этого, необходимо заметить, что с июня 2014 года по июнь 2015 года импорт продовольствия (АПК и пищевая промышленность) в Россию сократился на 38%¹¹, а рост промышленного производства в 2015 году составляет 3% в АПК и 2,5% в пищевой промышленности, отсюда можно сделать вывод о значительном сокращении предложения на данных рынках и, как следствие, рост продовольственной инфляции

¹¹ Данные ФТС. URL:

http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=52&Itemid=1978&limitstart=100

(продовольственная инфляция с июня 2014 года по июнь 2015 года составила 18,8%¹²).

Для того, чтобы понять эффективность мер поддержки импорт замещения в АПК и пищевой промышленности, обратим внимание на демографию организаций этих отраслей.

Согласно данным Федеральной Службы Государственной Статистики¹³, сальдо открытых и закрытых организаций сферы АПК за январь-ноябрь 2014 года составляет -4872 организации (это означает, что на столько единиц закрытых организаций больше чем открытых), за январь-ноябрь 2015 году сальдо составляет -294 организации, на период январь-март 2016 года сальдо составляет -1407 организации. Иными словами, в 2016 году опять наблюдается тенденция к увеличению числа закрытых организаций в АПК, что косвенно говорит о недостаточной эффективности поддержки малых производителей данной отрасли. Таким образом, на рынке АПК складывается следующая ситуация: регулярное отрицательное сальдо демографии организаций при одновременном увеличении общего выпуска. Данные факты говорят о преимущественной поддержке крупного бизнеса, а не стимулировании производства на уровне малого и среднего бизнеса. Соответственно, введенные Россией контрсанкции, являющиеся по сути чисто протекционистской мерой, оказались наиболее выгодны крупному производителю, а не открыли дорогу в жизнь мелкому предпринимателю.

Рассмотрим ситуацию в АПК и пищевой промышленности в регионах на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области. (см. табл. 2)

Согласно приведенным данным, после введения контрмер и российских ответных мер в пищевой промышленности значительно вырос ИПП, хотя до введения контрмер в данной отрасли наблюдался даже спад. В Ленинградской области, где сконцентрировано основное количество

¹² Данные Центрального Банка РФ: http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=macro_sub

¹³ Доклад «Социально-экономическое положение России». URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086922125

производства сельхозпродукции, поступающей в Санкт-Петербург, ИПП в данной отрасли рос начиная с 2015 года, а непосредственно в Санкт-Петербурге только с 2016г. В данном случае представляется возможным утверждать, что торговые ограничения, введенные Россией, оказали существенное влияние на процессы импорт замещения посредством значительного увеличения выпуска продукции в защищенных бойкотом отраслях.

Таблица 2 - Индекс промышленного производства пищевых продуктов в СПб и ЛО.

	Январь-март 2014 в % к январю-марту 2013		Январь-март 2015 в % к январю-марту 2014		Январь-март 2016 в % к январю-марту 2015	
	СПб	ЛО	СПб	ЛО	СПб	ЛО
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	98,8	75,2	96,7	129,1	120,6	126,8

Источник: Петростат

Обратим внимание на предпринимательскую активность в рассматриваемых регионах. (см. табл. 3)

Таблица 3 - Количество предприятий в области сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства

	на 1 января 2014 г.	на 1 января 2015 г.	на 1 января 2016 г.	на 1 апреля 2016 г.
Санкт-Петербург	1354	1357	1412	1407
Ленинградская область	4902	4827	4740	4692

Источник: составлено по данным Петростата.

Из таблицы следует парадоксальный вывод: в Санкт-Петербурге количество предприятий АПК с начала 2014 года увеличилось на 3,9%, а в Ленобласти, регионе традиционно специализирующемся сельском хозяйстве, наоборот – уменьшилось на 4,2%. Согласно Статистическому бюллетеню «Агропромышленный комплекс Ленинградской области и Санкт-Петербурга в 2015 году»¹⁴, объем производства продукции сельского хозяйства в Ленинградской области в 2015 году увеличился по отношению к 2014 году на

¹⁴ Петростат. URL:

http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/resources/958fb8804bd2480285479fa3f8d7ae54/%D0%90%D0%9F%D0%9A2015.pdf

1,8%, в том числе в сельскохозяйственных организациях объем производства вырос на 2%. Такие данные наглядно дублируют ситуацию, сложившуюся на федеральном уровне: при сокращении количества организаций, наблюдается рост производства – иначе говоря, происходит концентрация роста в крупных предприятиях, в то время как мелкий и средний бизнес переживает не лучшие времена. Это подтверждают данные Петростата: в 2014 году доля малых предприятий в Ленинградской области, работающих в сельском хозяйстве, составляла 6,2% или 1240 единиц¹⁵, а в 2015 году она снизилась до 5,3% и до 125 единиц в абсолютном выражении соответственно¹⁶. В Санкт-Петербурге наблюдается схожая ситуация: в 2014 году функционировало 661 малое предприятие¹⁷ в области сельского хозяйства, а в 2015 году всего 36 единиц¹⁸.

Таким образом, на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области была проиллюстрирована схожая ситуация с той, которая сложилась на федеральном уровне – концентрация роста в АПК у крупных предприятий.

Сформулируем **основные выводы** по проведенному исследованию:

- санкции как юридическое понятие могут быть введены исключительно за определенное правонарушение субъектом, имеющим на то власть. Соответственно, международные санкции могут быть введены за совершение международного правонарушения и в данном случае санкционирующим субъектом будет наднациональная общепризнанная организация, которая обязывает определенные страны к принятию мер в отношении страны-правонарушителя. Таким образом, любая международная организация может

¹⁵ Петростат. URL:

http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/resources/f54aab804a782b3fba11be4b782e6f0a/2014_sbornik.pdf стр. 96.

¹⁶ Петростат. URL:

http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/resources/ebe591804f2034c29fcd9f149d0ea7d8/mp_o.pdf

¹⁷ Петростат. URL:

http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/resources/f54aab804a782b3fba11be4b782e6f0a/2014_sbornik.pdf стр. 10

¹⁸ Петростат. URL:

http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/resources/38dff1004f25c7ae8eefde3a99b5ae2d/mp_g.pdf

применить санкции к своим членам в рамках своей юрисдикции. Самой глобальной и важной международной организацией является ООН, где решения Совета Безопасности ООН являются обязательными для всех государств-членов (практически все государства на планете). Известно, что пять государств (США, Россия, Китай, Франция, Великобритания) являются постоянными членами СБ ООН, что дает им привилегию использовать право вето, вследствие чего эти государства естественно не могут стать объектами санкций ООН;

- отдельные государства безусловно имеют право реагировать на происходящие события в мире и использовать их в свою пользу как в политическом, так и в экономическом плане. Одним из способов реагирования является введение дискриминационных экономических мер или контрмер, которые и являются инструментом использования ситуации в своих интересах. Иначе говоря, санкции – это понятие, имеющее сугубо правовую природу, а контрмеры или дискриминационные меры – понятие именно экономическое, основанное на прагматическом интересе и выражающее отношение конкурентной борьбы за ограниченные ресурсы на Земле. В работе рассматриваются исключительно контрмеры, поскольку их введение, реализация и прекращение определяется исключительно национальными экономическими и тесно связанными с ними геополитическими интересами, какой бы риторикой не обосновывалось их введение;

- санкции и контрмеры могут иметь одинаковую форму, например, в форме эмбарго, бойкота, блокады, ареста активов, запрета на въезд в страну и так далее;

- существует три основных метода анализа последствий санкций: кейс-стади, эконометрический анализ панельных данных и теоретико-игровой подход. Однако, если рассматривать работы, посвященные анализу конкретных случаев имплементации контрмер, то в зависимости от

специфики рассматриваемого кейса могут быть использованы более утонченные методы анализа;

- в целом качественные и количественные оценки последствий финансовых и технологических дискриминационных мер в отношении России варьируются от 0,4% до 2% в среднегодовом исчислении;

- однако, качественные и количественные оценки не сходятся в области прогнозирования долгосрочности влияния: с точки зрения количественных значений влияние финансовых санкций будет уменьшаться и, в частности, уже к 2017 году адаптация баланса первичных и вторичных доходов приводит практически к полной нейтрализации влияния санкций на реальный курс; однако с точки зрения качественной оценки экономической конъюнктуры и финансовые, и технологические санкции в большей степени окажут негативное воздействие именно в долгосрочной перспективе, раскручивая различные риски;

- в связи с введением Россией контр санкций импорт продовольствия за год (июнь 2014-июнь 2015) сократился на 38% и претерпел структурные изменения: так, по некоторым товарным позициям произошел относительный рост поставок из определенной страны, но в то же время, сократились абсолютные показатели; также по большинству рассмотренных товарных позиций произошло уменьшение диверсификации поставок – например, вместо 28% в 2014 году Беларусь в 2015 году поставляла уже 80% всех сыров и творога; кроме того, произошло значительное сужение рынка продовольственных товаров в России, так как отечественное производство в рассматриваемых сферах выросло в среднем на 3%, а импорт соответствующих товаров сократился на 38%, соответственно, существенное сокращение предложения явилось одним из факторов продовольственной инфляции, что в определенной степени сдерживало спрос. Таким образом, система пришла в новое равновесие – предложения меньше, цены выше;

- введенные Россией «контрсанкции» оказывают двойственное влияние на внутреннее производство: с одной стороны – индекс промышленного производства защищенных отраслей растет, а с другой стороны уменьшается количество производителей – то есть происходит концентрация роста производства в руках крупного бизнеса, который расширяет свое присутствие в магазинах за счет запрещения европейской продукции. «Контрсанкции» не оказывают однозначного положительного эффекта на развитие малого и среднего предпринимательства как на федеральном, так и на региональном уровне. Также существуют сомнения по поводу эффективности мер поддержки малого и среднего бизнеса в области АПК в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Библиография

1. Аганбегян А.Г., Порфирьев Б.Н. Замещение импорта продовольствия и развитие «зеленой» Агро экономики как стратегические ответы на антироссийские секторальные санкции // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2015. – №2. – С.16-27.
2. Батршин Р.Р. Ответственность государства и применение контрмер в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2005. – 211с.
3. Витцум В.Г. и др. Международное право. Пер. с нем. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – 961 с.
4. Голубев А. Импорт замещение на агропродовольственном рынке России: намерения и возможности // Вопросы экономики. – 2016. – №3. – С. 46-62;

5. Гурвич Е., Прилепский И. Влияние финансовых санкций на российскую экономику // Вопросы экономики. – 2016. – №1. – С. 5-35.
6. Калинин А.В. Экономические санкции ООН и односторонние экстратерриториальные меры экономического принуждения: сравнительный анализ // Юрист-международник. – 2005. – №4. – С.30-37.
7. Курдюков Г.И., Кешнер М.В. Соотношение ответственности и санкций в международном праве: доктринальные подходы // Журнал российского права. – 2014. – №9. – С. 103-115.
8. Лукашук И.И. Право международной ответственности // Международное публичное и частное право. – 2002. – №2. – С. 30-43.
9. Лякин А.Н. Российская экономика после восстановления: временное замедление или новая траектория роста // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 5. – 2013. – № 4. – С. 55-69.
10. Миркин Я. Влияние санкций на финансовые риски российской экономики // Банковские услуги. – 2015. – №8. – С. 17-24.
11. Платонова И., Гурова И. Финансовые санкции ЕС против России: сфера применения // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – №5. – С. 49-62.
12. Синяков А., Ройтман А., Селезнев С. Динамика потенциального ВВП России после нефтяного шока: роль сильного изменения относительных цен и структурных жесткостей / Серия докладов об экономических исследованиях (Вып. 6, 2015). – М.: Банк России, 2015. – 53 с.
13. Ушачев И. Стратегические подходы к развитию АПК России в контексте межгосударственной интеграции // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2015. – №2. – С. 8-15.

14. Фальцман В.К. Форсированное импортозамещение в новой геополитической обстановке // Проблемы прогнозирования. – 2015. – №1. – С. 22-32.
15. Фальцман В.К. Критические точки политики импортозамещения // Российское предпринимательство. – 2015. – Том 16. – № 2. – С. 241-262.
16. Федорова Е., Федотова М., Николаев А. Оценка влияния санкций на результаты деятельности российских компаний // Вопросы экономики. – 2016. – №3. – С. 34-45.
17. Широков А., Янговский А., Потапенко В. Оценка потенциального влияния санкций на экономическое развитие России и ЕС // Проблемы прогнозирования. – 2015. – №4. – С. 3-16.
18. Шумилов В.М. Международное публичное экономическое право. – М.: НИМПИ, 2001. – 288 с.
19. Abi-Saab G. The Concept of Sanctions in International Law // UN Sanctions in International Law / ed. by V. Gowland-Debbas. – The Hague/London/Boston, Kluwer Law International, 2001. – P. 29-41.
20. Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A. Economic sanctions reconsidered: History and Current Policy. – Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 1990. – 340 p.
21. Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A., Oegg B. Economic sanctions reconsidered. – Third ed. – Washington, DC: Peter G. Peterson Institute for International Economics, 2007. – 226 p.
22. Shin G., Choi S-W., Luo S., Do Economic Sanctions impair Target Economies. – [Электронный документ] – <http://whanchoi.people.uic.edu/DoEconomicSanctionsimpairTargetEconomies.pdf> ;
23. Han B. A Theory of Economic Sanctions. – KIER Working Paper 12-03. – Seoul, 2012. – 38 p.

24. Russian Federation: 2015 article IV consultation – Press release; and staff report / IMF. – IMF Country Report, 2015. – No. 15/ 211.

References:

Aganbegyan A. G., Porfiriev B. N. (2015) the substitution of import of food and development of “green” agro economy as strategic response to anti-Russian sectoral sanctions // Economics of agricultural and processing enterprises. – №2. – Pp. 16-27.

Batrshin R.R. (2006) the responsibility of state and implementation of countermeasures in the contemporary international law: PhD thesis in Law, Kasan. – 211 p.

Vitzthum V. G. et al. (2011) International law. Translation from German. – Moscow. – 961 p.

Golubev A. (2016) Import substitution in the Russian agri-food market: expectations and capabilities // Voprosy Ekonomiki. – № 3. – Pp. 46—62.

Gurvich E., Prilepskiy I. (2016) the impact of financial sanctions of the Russian economy // Voprosy Ekonomiki. – № 1. – Pp. 5—35.

Kalinin, A. V. (2005) Economic sanctions of UN and unilateral extraterritorial coercive economic measures: a comparative analysis // international Lawyer. – № 4. – Pp. 30-37.

Kurdyukov G., Kesner M. (2014) the balance of responsibility and sanctions in international law: the doctrinal approaches // Journal of Russian law. – № 9 (213). – Pp. 103-115.

Lukashuk, I. (2002) Law of international responsibility // International public and private law. – № 2. – Pp. 30-43.

Lyakin A. (2013) Russian Economy after Recovery: Temporary Slowdown or New Growth Trend // Vestnik St. Petersburg University, Series 5: The Economy. – № 4. – Pp. 55-69.

Mirkin, J. (2015) Effect of sanctions on financial risks of the Russian economy // Banking services. – №8. – Pp. 17-24;

Platonova I., Gurova I. (2015) Financial sanctions of EU against Russia: the scope of application // Russian external economic Bulletin. – № 5. – Pp. 49-62;

Sinyakov A, Roitman A., Seleznev S. (2015). The dynamics of potential Russia's GDP after the oil shock: the role of the strong changes of relative prices and structural rigidities. – Moscow: Bank Of Russia. – 53 p.

Ushachev I. (2015) Strategic approaches to the development of agricultural sector in Russia in the context of international integration // Economy of agricultural and processing enterprises. – № 2. – Pp. 8-15;

Faltzman V. (2015) Forced import substitution in the new geopolitical environment // the problems of forecasting. – № 1. – Pp. 22-32.

Faltzman V. (2015) Critical points of the policy of import substitution // Journal of Russian entrepreneurship. – Vol. 16. – № 2. – Pp. 241-262.

Fedorova E., Fedotova M., Nikolaev A. (2016) Assessing the impact of sanctions on the Russian companies performance // Voprosy Ekonomiki. – № 3. – Pp. 34—45.

Shirov, A., Yantovsky A., Potapenko V. (2015). An assessment of the potential impact of sanctions on the economic development of Russia and the EU // the problems of forecasting. – № 4. – Pp. 3-16.

Shumilov V. M. (2003) International public economic law. – Moscow. – 288 p.

Abi-Saab G. (2001) the Concept of Sanctions in International Law // UN Sanctions in International Law / ed. by V. Gowland-Debbas. – The Hague/ London/Boston, Kluwer Law International. – Pp. 29-41.

Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A. (1990) Economic sanctions reconsidered: History and Current Policy. – 2nd ed. – Washington, DC: Peterson Institute for International Economics. – 340 p.

Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A., Oegg B. (2007) Economic sanctions reconsidered. – Third ed. – Washington, DC: Peter G. Peterson Institute for International Economics. – 226 p.

Shin G., Choi S-W., Luo S. Do Economic Sanctions impair Target Economies? – [Electronic document] – <http://whanchoi.people.uic.edu/DoEconomicSanctionsimpairTargetEconomies.pdf>.

Han B. A. (2012) Theory of Economic Sanctions. – KIEP Working Paper 12-03. Seoul. – 38 p.

IMF (2015). Russian Federation: 2015 article IV consultation – Press release; and staff report. – IMF Country Report. – No. 15/ 211.